

ГРАЖДАНИН МИНИН

Кем был организатор ополчения, спасшего Россию во время Смуты?

«Мы не можем воссоздать себе вполне ясного, выпуклого образа этого замечательного человека», – писал о Кузьме Минине известный историк XIX века Николай Костомаров. Действительно, биография легендарного «гражданина Минина», одного из людей, спасших Россию в годы Смуты, из-за недостатка источников конца XVI – начала XVII века, таит немало загадок.

Четыре столетия назад, весной 1616 года, находясь вдали от Москвы, за Волгой, при неизвестных обстоятельствах скончался национальный герой России Кузьма Минин, посланный на усмирение народных волнений в Казанский уезд. Выходец из простого посадского люда Нижнего Новгорода, организатор и один из руководителей Второго ополчения, освободившего Москву от иноземных интервентов. В 1612 году, наряду с князем Дмитрием Пожарским, он стал некоронанным правителем нашего государства, спасителем Отечества.

Нижегородский мясник

Год рождения Кузьмы Минина, как и практически всех выходцев из народной среды эпохи русского Средневековья, установить невозможно. Что там говорить о простых горожанах, если мы не знаем точную дату рождения даже царя Бориса Годунова! Можно предположить, что в 1611 году он достиг 40-летнего возраста.

Происходил Минин из посадских торговых людей Нижнего Новгорода. Одно время в научной литературе распространялась версия о том, что его отцом являлся Мина Анкудинов (Анкидинов,

Онкудинов), солепромышленник из Балахны, известный по документам конца XVI столетия. Однако новейшие исследования московских и нижегородских историков заставили усомниться в этой гипотезе, которую не удалось подтвердить на материалах записей рода Кузьмы Минина из синодиков – поминальных книг XVII века.

Самые ранние известия о деятельности Минина относятся к осени 1611 года, когда он становится одним из земских старост Нижнего Новгорода. Но они происходят из созданных уже после окончания Смуты исторических сочинений.

По словам талантливого писателя и участника событий Смутного времени, автора «Летописной книги» князя Семена Шаховского, жил «в то же время человек некий в Нижнем Новгороде убогою куплею питаяся, сиречь продавец мясу и рыбе в требания и в снедь людям, имя ему Кузьма».

Торгуя мясом и салом, Кузьма Минин имел одну или две лавки в мясном ряду торгового Нижнего Новгорода и, вероятно, закупал часть товаров в соседнем Казанском уезде, где было хорошо развито скотоводство. Приходилось ему, очевидно, не раз ездить и в Балахну за солью, необходимой для хранения мяса. К тому времени Кузьма давно уже был женат на Татьяне Семеновиче и имел сына-подростка Нефеду (о других детях прямых свидетельств не сохранилось).

В «Новом летописце», созданном в 1630-х годах, он почему-то именуется как «Кузьма Минин, рекомый Сухорук», а двор еще одного посадского торговца «Кузьмы Захарьева сына Сухорука» упоминается в Нижнем Новгороде в купчей грамоте 1602 года. Однако нижегородский историк Александр Садовский еще в 1916 году доказал, что Кузьма Минин и Кузьма Захаров Сухорук – это разные люди, которых объединяет лишь общее имя. Но до сих пор по отношению к национальному герою России в научно-популярной и справочной литературе можно встретить неверное именование «Кузьма Минич Захарьев-Сухорук». Действительности это не соответствует – сухоруким он не был и отчество Захарович не носил.

Вряд ли с таким дефектом, как сухорукость, можно было управляться, ворочая тяжеленные туши животных и разделявая их увесистым мясницким топором, в мясной лавке. И тем более возглавлять атаку на коне с саблей в руке, во время решающей битвы за Москву с польско-литовским войском гетмана Ходкевича в августе 1612 года.

Талантливый организатор

Кузьма Минин, очевидно, отличался хозяйственной

Когда Минин пришел к Пожарскому, князь оправлялся от ран, полученных в боях с поляками

хваткой, предприимчивостью, рассудительностью и справедливостью. Чем заслужил уважение среди посадского торгово-ремесленного люда Нижнего Новгорода, избравшего его в сентябре 1611 года земским старостой.

Будучи человеком религиозным, Минин, увидев, прежде всего, в своем избрании «начало Божия промысла», сразу же стал агитировать нижегородцев о «собрании ратных людей на очищение государству» и на Нижнем посаде в земской избе, и на торгу, где находилась его мясная лавка.

Мы не знаем и вряд ли когда-нибудь узнаем, с какими словами он обращался к своим землякам. Все «его речи» являются плодом реконструкции и домыслов более поздних авторов, никогда их не слыжавших вживую.

По свидетельству, например, «Нового летописца» начала 1630-х годов, Кузьма Минин призывал собравшихся у земской избы горожан помочь Московскому государству, не жалея своих «животов» (жизни), и в случае

отсутствия денег продавать свои дворы, закладывать жен и детей.

Тут же решили послать наиболее уважаемых жителей города к князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому с просьбой стать военным предводителем ополчения. Минин согласился быть его казначеем и, по сути дела, гражданским руководителем при условии строжайшего подчинения со стороны горожан. Вскоре в Нижний Новгород потянулись оставшиеся без средств дворяне и служивые люди, происходившие, в первую очередь, из захваченной поляками Смоленщины, а затем из других русских городов («коломничи, резанцы»), в том числе «многие люди и казаки и стрельцы, кои сидели на Москве» при царе Василии Шуйском.

Оплата нанятых на службу людей, закупки вооружения и прочих припасов для войска требовали значительных средств. Заведую казной Второго ополчения, Минин проявил себя как рачительный хозяйственник, сумевший

«Воззвание Минина к нижегородцам в 1611 году». Картина Михаила Пескова, 1861 год

твердой рукой собрать с населения необходимые деньги – пятую либо третью часть имущества, а порой – еще больше (до двух третей). На людей колеблющихся и прижимистых воздействовал личным примером, пожертвовав всем, чем мог, вплоть до драгоценностей жены и серебряных окладов с икон. К неплательщикам применялись весьма жесткие, но вполне оправданные меры, ведь в руках ополчения, по существу, находилась судьба России.

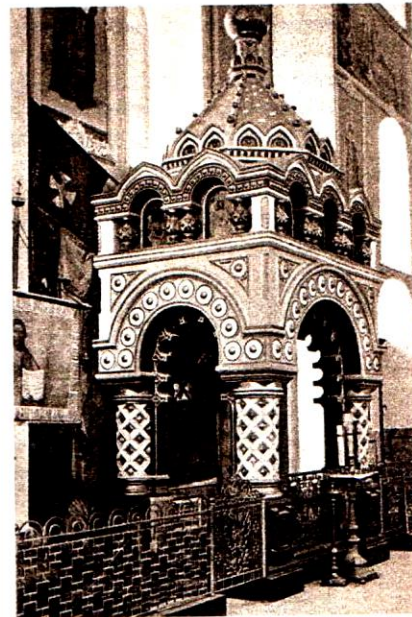
«Выборный человек»

Услышав весть о посылке в начале 1612 года Иваном Заруцким мятежных казаков в Суздаль и Ярославль, Минин с Пожарским сразу же направили туда отряды ратных людей. А в конце февраля – начале марта и сами во главе всего ополчения двинулись через Балахну и Кострому к Ярославлю, где им предстояло провести более четырех месяцев.

Созданное в Ярославле Земское правительство, именовавшееся «Советом всея земли», пополнилось новыми людьми – представителями титулованной знати, служилого дворянства, белого духовенства, горожан... От имени «Совета всея земли» рассылались грамоты с призывами и распоряжениями в другие города и уезды. В них за неграмотного Кузьму ставил подпись на 15-м месте (в силу низкого социального положения Минина) его соратник по руководству ополчением – князь Пожарский.

По мере расширения масштабов патриотической деятельности Минина должности земского старосты, чьи функции заканчивались за

пределами Нижнего Новгорода, уже перестала соответствовать уровню одного из руководителей Второго ополчения. И пришлось дьякам, участвовавшим в ополчении, изобрести словосочетание «выборный человек», не входившее тогда в перечень чинов Российского государства. С таким обозначением Кузьма Минин не раз упоминается в актовых документах 1612 года.

Гробница Кузьмы Минина в Спасо-Преображенском соборе Нижегородского кремля

Наконец, в середине июля 1612 года передовые отряды, а в конце месяца и основные силы Второго земского ополчения во главе с Мининым и Пожарским двинулись из Ярославля освобождать столицу России от интервентов и их пособников.

Командир конницы

Ситуация в районе Москвы к концу лета была достаточно

Изгнание поляков из Кремля стало переломным моментом, хотя до окончания Смутного времени было еще далеко

Коронация Михаила Федоровича Романова стала возможна только благодаря Второму ополчению

сложной. С самого начала у Минина и Пожарского не сложились отношения с князем Дмитрием Трубецким, предводителем казачьих отрядов Первого земского ополчения, возникшего еще весной 1611 года. Не испытывая к нему доверия, руководители Второго ополчения сразу же после прихода в Москву отказались расположиться лагерем в его деревянном остроге у Яузских ворот, а окопались у Арбатских ворот.

Трубецкой же во время развернувшихся 22-25 августа (по старому стилю) боев с подошедшим польским войском искусного полководца гетмана Яна Кароля Ходкевича старался удержать своих казаков от объединения с ополченцами, пришедшими из Ярославля. Но часть казачьих отрядов, нарушив запрет, все-таки присоединились к ратным людям Второго ополчения. Быть может, не последнюю роль тут сыграло обещание Минина отдать им на поживу польский обоз.

Как бы то ни было, их помощь оказалась весьма кстати в последний день сражения – 24 августа. Сам Кузьма, взяв у Пожарского «три сотни дворянские, и перешед за Москву-реку и ста против Крымского двора». Атака его небольшого отряда, застав неприятеля врасплох, нанесла ему весьма существенные потери и вынудила окончательно отказаться от продолжения наступления на центр Москвы. Войску Ходкевича пришлось ретироваться, но

в Китай-городе и Кремле поляки отсиживались в осаде до конца октября.

Не выдержав тягот осады и осознав бесперспективность дальнейшего сопротивления, изголодавшиеся, потерявшие человеческий облик и прежнюю спесь поляки 26 октября 1612 года окончательно капитулировали.

Думный дворянин

С осени 1612 года и до выборов нового царя в феврале 1613-го во главе народного ополчения и земского правительства находился триумvirат в составе Трубецкого, Пожарского и Минина. По-

прежнему на плечах Минина лежала основная тяжесть хозяйственных забот – как обеспечить прокорм служилым людям, где изыскать средства для выдачи жалованья казакам. Приходилось в условиях разрухи решать и другие сложные вопросы. Взвалив на себя эту нелегкую ношу, нижегородский купец сумел с достоинством выдержать испытание.

С избранием на Земском соборе в феврале 1613 года царем Михаила Федоровича Романова деятельность правительства Трубецкого, Пожарского и Минина прекратилась. Героев освободительной борьбы стали быстро оттеснять подальше от трона их завистники и недоброжелатели из числа знати, ничем не отличившейся во время борьбы с интервентами.

Тем более что Пожарский, чья кандидатура также выдвигалась на царский престол на Земском соборе, выступал против избрания царем Михаила Романова.

Правда, новый царь не мог не отметить заслуги руководителей Второго ополчения. Во время коронации в июле 1613 года Дмитрий Пожарский стал боярином. А Кузьме Минину на следующий день (12 июля) пожаловали чин думного дворянина (тре-

тий по значению в Боярской Думе), 200 рублей жалованья в год, двор в Нижегородском кремле у Спасо-Преображенского собора, поместье и вотчину. Теперь бывший посадский человек именовался Кузьмой Миничем, постоянно проживал в Москве, выполняя различные правительственные поручения, а сын Нефед и братья остались в Нижнем Новгороде.

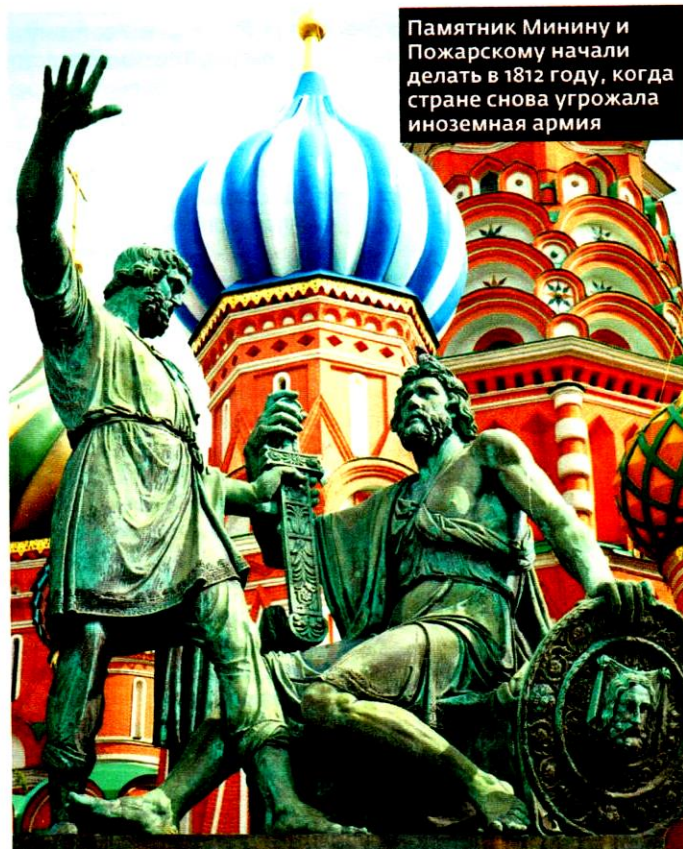
После 1613 года Минин, как и ранее, занимался сбором «пятины» – чрезвычайного 20%-ного налога «с гостей Гостиной и Суконной сотен и с черных сотен и слобод». Перед самой смертью думному дворянину Кузьме Миничу пришлось вместе с князем Григорием Ромодановским и дьяком Марком Поздеевым совершить нелегкую поездку в Казанский уезд для проведения сыска по делу о восставших черемисах (марийцах).

Тяжелое путешествие окончательно подорвало здоровье и силы Кузьмы Минина, скончавшегося, очевидно, в дороге весной 1616 года. В Москву он не вернулся (в июне того года его уже не было в живых). Похоронили Минина в Нижнем Новгороде, где четырем-пятым годами ранее он выступил с призывом формировать народное ополчение.

«Давно уже замечено, – отмечал Георгий Плеханов, – что таланты являются всюду и всегда, где и когда существуют общественные условия, благоприятные для их развития».

Беспримерно стремительный подъем по социальной лестнице, связанный с организаторским талантом и патриотическими деяниями простого нижегородского торговца-мясника Кузьмы Минина, стал реальным только в экстремальной ситуации Смутного времени. Когда поведение народных масс сыграло решающую роль в судьбе страны, сохранении российской государственности и выходе из тяжелейшего социально-политического кризиса. После окончания Смуты такие социально-иерархические скачки стали невозможными.

Владимир ПЕРХАВКО

Памятник Минину и Пожарскому начали делать в 1812 году, когда стране снова угрожала иноземная армия